

М. А. Кокотова

Уральский государственный
юридический университет им. В. Ф. Яковлева
(Екатеринбург)

ПРЕДЕЛЫ ПРАВА НА НАСИЛИЕ УЧАСТНИКОВ ОРГАНИЗАЦИЙ ПО БОРЬБЕ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИИ, ФРАНЦИИ, БЕЛЬГИИ, АВСТРИИ, ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

В статье рассматриваются акты, устанавливающие правовой статус организаций по борьбе с преступностью и регулирующие институт необходимой самообороны в Российской Федерации, Великобритании, Франции, Бельгии, Австрии и США. Прежде всего автор определяет, в каких государствах применение насилия членами подобных организаций в принципе допускается и как установлены его пределы. Затем сравниваются пределы легального насилия, к которому могут прибегать члены организаций по борьбе с преступностью и любые иные граждане (институт необходимой самообороны). В конце делается попытка выявить связь между тем, насколько широки пределы легального насилия, и предполагаемыми целями тех, кто его осуществляет.

На основании проведенного анализа выделены два подхода в правовом регулировании, которые заключаются в следующем:

1) существование организаций граждан, объединившихся для защиты своих домов, ограничивает государственную монополию на насилие (США, Великобритания);

2) существование организаций по борьбе с преступностью не ограничивает государственную монополию на насилие, поскольку их члены не могут его использовать (Франция, Бельгия) либо рассматриваются как помощники и, следовательно, в каком-то смысле как представители государства (например, народная дружина в РФ).

Ключевые слова: организации по борьбе с преступностью, легальное насилие, *Neighbourhood Watch*, *Les Citoyens référents*, *Le Partenariat Local de Prévention*, народная дружина

Для цитирования

Кокотова М. А. Пределы права на насилие участников организаций по борьбе с преступностью в России, Франции, Бельгии, Австрии, Великобритании и США // Российское право: образование, практика, наука. 2023. № 4. С. 76–84. DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76.

УДК 342.571

DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76

Участие граждан в такой специфической сфере осуществления государственной власти, как борьба с правонарушениями, само по себе является достаточно спорным институтом; сомнения могут вызывать как наличие у непрофессионалов нужных для этого навыков, так и сама допустимость осуществления полномочий, неразрывно связанных с ограничением прав граждан теми, кто не наделен властными полномочиями. Более того, подобная деятельность может рассма-

триваться как отход от государственной монополии на насилие [Волков 1998: 40–41]. В то же время сосредоточение права на узаконенное насилие в руках одного субъекта позволяет сократить объем этого насилия и сделать его проявления более предсказуемыми. Кроме того, представители государства, в отличие от сторон и жертв конфликта, беспристрастны, а, значит, будут более сдержанны.

Неслучайно в некоторых государствах выработаны формы участия граждан в про-

филактике правонарушений, которые предполагают не вовлечение граждан непосредственно в деятельность по предотвращению преступлений, а лишь согласование с ними планов и программ в данной сфере. Такие формы предусмотрены в Испании¹ а также в отдельных государствах Латинской Америки: Мексике (*los Comités de Participación*²), Аргентине (*Foros de Seguridad*³).

Вместе с тем, вероятно, и у общества, и у государства есть запрос на вовлечение граждан в обеспечение общественного порядка и в правоприменительной плоскости, а технологический прогресс приводит к замене публичного обеспечения безопасности мерами частной защиты, реализуемой и оплачиваемой частными лицами [Hartley 2012: 186], поскольку в мире практикуется помощь граждан полиции как на индивидуальной основе, так и в создаваемых ими организациях. Последний способ, впрочем, как раз и вызывает наибольшие опасения, поскольку предполагает бóльшую самостоятельность участвующих в охране общественного порядка от властей. Наиболее ярким примером, подтверждающим это, является опыт организации «Немецкие помощники полиции», члены которой совершали многочисленные правонарушения в ФРГ, позиционируя себя как помощников полицейских⁴.

Все сказанное порождает ряд вопросов, которые должны быть разрешены в правовых актах о статусе общественных организаций, осуществляющих борьбу с правонарушениями.

Должны ли они получить право на применение физической силы? Допустимо ли,

¹ См. страницу программы участия граждан на портале национальной полиции Испании: Programa colectivos ciudadanos // URL: https://www.policia.es/_es/colabora_participacion_colectivosciudadanos.php (дата обращения: 15.08.2023).

² Статья 38 Закона Мексики о предотвращении насилия и правонарушений посредством гражданского участия (*Ley para la Prevención Social de la Violencia y la Delincuencia, con Participación Ciudadana del Estado de México* (Última reforma POGG 29 de septiembre de 2020). 2020 // URL: <https://legislacion.edomex.gob.mx/sites/legislacion.edomex.gob.mx/files/files/pdf/ley/vig/leyvig193.pdf>) (дата обращения: 15.08.2023).

³ Subsecretaría de Participación Ciudadana // URL: <https://www.mseg.gba.gov.ar/areas/subpart/foros.html> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Erkenntnisse über das «Deutsche Polizei Hilswerk». 2013 // URL: <https://dserver.bundestag.de/btd/17/140/1714049.pdf> (дата обращения: 15.08.2023).

и если да, то в каких пределах, использование оружия? Предупреждение преступлений объективно связано с ситуациями, в которых может потребоваться его применение. Если при внезапном нападении человек может пользоваться лишь тем, что есть под рукой, то при патрулировании улиц можно заблаговременно приготовить средства защиты. В то же время чем больше таких средств допускает закон, тем выше риск несанкционированного насилия.

Действуют ли они в этих конфликтах от лица государства или только как рядовые граждане? Чем в последнем случае обосновывается предоставление им полномочий по ограничению прав других граждан (речь может идти прежде всего о нарушении права на жизнь и физическую неприкосновенность)? Могут ли члены этих организаций быть беспристрастными участниками конфликта, не имеющими никакой личной заинтересованности в его исходе? Если у них нет никакой заинтересованности, то какие мотивы побуждают их осуществлять эту деятельность?

При поиске ответов на эти вопросы, конечно, следует учитывать, что подобные организации не единственное исключение из запрета на применение силы, не исходящее от государственной власти. Другим исключением является институт самообороны, и доводы в пользу самообороны обосновывают также право на существование организаций по борьбе с преступностью в силу родственности этих институтов.

Таким образом, деятельность организаций по борьбе с преступностью может быть объяснена исходя из разных концепций. Логично предположить, что от того, какая концепция избрана, зависит правовое регулирование их деятельности, ведь для того, чтобы последняя осуществлялась эффективно, принципы объединения добровольцев в организации должны предоставлять максимальные возможности для достижения тех целей, которые они преследуют.

В настоящем исследовании сравнивается определение пределов права на применение силы у членов организаций, осуществляющих борьбу с преступлениями, в правовом регулировании во Франции, Бельгии, Австрии, США, Великобритании и РФ. При этом для целей исследования интересно определить, как установление этих пределов зависит от

предполагаемой мотивации участников организации по борьбе с преступностью. Выбор указанных государств обусловлен наличием в них организаций, осуществляющих борьбу с правонарушениями, при этом рассматривается только опыт организаций, но не практика привлечения граждан к помощи правоохранительным органам на индивидуальной основе.

Положительный ответ на вопрос о возможности применения силы добровольными участниками в борьбе с преступностью дается в государствах англо-саксонской правовой семьи, где зародилась и активно реализуется идея соседского дозора¹: постоянного наблюдения жителей за домами соседей для предотвращения хищений². Данный подход можно рассматривать как логическое продолжение максимы «Мой дом – моя крепость». Участие здесь состоит в том, что лица, проживающие рядом, создают организации соседского контроля, чтобы в сотрудничестве с полицией обеспечить надзор за своими домами, тем самым улучшив качество жизни своего сообщества [Arief, Coventry, Greathead 2011: 20].

В Великобритании подобные организации образуют собственную систему, включающую местные группы, региональные и общенациональную ассоциации³. В США аналогично действуют программа *National Neighborhood Watch*, объединяющая данные о местных организациях этого типа⁴, а также *National Association of Town Watch*⁵, обеспечивающая взаимодействие правоохранительных органов с отдельными волонтерами и волонтерскими группами.

Права членов таких организаций сводятся к обычному праву на самооборону, коль скоро они не обладают каким-то особым статусом. Впрочем, это не так мало. Как известно,

¹ EUCPN. What Works to Prevent Domestic Burglaries? 2021 // URL: https://eucpn.org/sites/default/files/document/files/2106_The%20prevention%20of%20domestic%20burglary_LR.pdf (дата обращения: 15.08.2023).

² Neighbourhood Watch Presentation // URL: <https://www.eunwa.eu/presentations/NW/> (дата обращения: 15.08.2023).

³ Our Team // URL: <https://www.ourwatch.org.uk/how-we-work/nationally/our-team> (дата обращения: 15.08.2023).

⁴ Find a Watch Program // URL: <https://www.nnw.org/find-a-watch-program> (дата обращения: 15.08.2023).

⁵ About // URL: <https://natw.org/about/> (дата обращения: 15.08.2023).

в англосаксонском праве выработана доктрина замка, в соответствии с которой осуществление права на самооборону при защите чьего-то дома от преступного посягательства признается достаточным основанием для того, чтобы не быть обвиненным в совершении убийства [Graham 2021: 140]. Причем в американском праве можно применить данную доктрину к людям, которые находились не только у себя дома, но и в любом месте, где они могли присутствовать на законных основаниях [Suk 2008: 243].

В США эти положения «нашли отражение в законодательстве большинства штатов – на территории 45 из них приняты соответствующие акты. От региона к региону изменяются некоторые особенности – обстоятельства, наделяющие обитателя дома правом на убийство, наличие иммунитета от любых гражданских исков, поданных от имени нападавшего, но в целом жилище человека обеспечивается статусом особо охраняемой законом территории» [Шаяхметов 2016: 49].

В сочетании с закреплением права на ношение оружия в Конституции (вторая поправка к Конституции США) и его использования для самообороны [Шулус 2017: 94] данная доктрина обосновывает его использование членами соседских организаций при обнаружении ими правонарушителей. Подобные соображения находят подтверждение в отказе привлекать к ответственности членов *Neighbourhood Watch* за совершенные при реализации этого права убийства, что, впрочем, влечет недовольство общественности и критику исследователей (в качестве примера можно назвать дело Трэйвона Мартина, о котором писали, в частности, М. Армстронг и Дж. Карлсон [Armstrong, Carlson 2019]).

Аналогично в английском общем праве предписание, в соответствии с которым человек может убить нарушителя для предотвращения насильственного преступления (право на защиту жилища), действует параллельно с правом на самозащиту, которое не требует обосновывать свои действия от человека, в своем собственном доме убившего правонарушителя или причинившего ему серьезный физический ущерб [Levin 2010: 530].

Доктрина замка объясняет, почему организации, осуществляющие борьбу с правонарушениями, основываются именно на сообществах по месту проживания: ведь именно

здесь находится ключевой объект, подлежащий защите; одновременно она предоставляет правовую и культурную базу для использования силы членами *Neighbourhood Watch*. В то же время организации соседского контроля не обязательно уполномочиваются на применение силы.

Отрицательный ответ на вопрос о возможности применения силы дан в отдельных государствах континентальной Европы. Во Франции (в соответствии с абз. 4 ст. 3 циркуляра Министерства внутренних дел от 30 апреля 2019 г.), Бельгии (в соответствии с п. 3 Министерского циркуляра от 2 июля 2001 г. об информационных сетях кварталов) и Австрии¹ участники организаций по борьбе с преступностью уполномочены лишь сообщать о преступлении, свидетелем которого они стали, полиции, и ни на что большее. По сути, это означает, что им предоставлены даже более узкие права, чем те, что предусмотрены положениями уголовных кодексов данных государств о самообороне (ст. 122-5, 122-6 Уголовного кодекса Франции, ст. 416, 417 Уголовного кодекса Бельгии, § 3 Уголовного кодекса Австрии).

Такой подход можно объяснить идеей о несовместимости государственной монополии на узаконенное применение силы и частной милиции [Cognuot 2015: 22] и тем, что положения о самообороне установлены для насильственных преступлений, а организации соседского контроля занимаются профилактикой преступлений против собственности. Негативное отношение к самостоятельным действиям объединений граждан в сфере защиты правопорядка может объясняться опасениями, что они для защиты от правонарушителей будут прибегать к более радикальным методам, чем те, которые считает допустимыми государство (так, М. Гардэнье отмечает, что «бдительность» порождается отсутствием политической воли государства на решение проблемы [Gardenier 2018: 244]).

Следует отметить, что Франции после того, как начали создаваться по инициативе «снизу» организации по борьбе с преступностью *Voisins vigilants*, был введен институт граждан-докладчиков, выполнявших аналогичные функции, но под контролем мест-

ных властей, с оговоркой о том, что в циркуляре 2019 г. подчеркивается, что институт гражданского участия не следует смешивать с иными институтами, реализуемыми частными обществами, которые предлагают муниципалитетам платные услуги, включающие в себя проведение собраний, предоставление специальных вывесок или средств связи².

Таким образом, государства, следующие описанному выше подходу, запрещают применение физической силы и оружия гражданам, участвующим в борьбе с преступностью, и принимают меры, чтобы обеспечить соблюдение этого запрета.

Негативное отношение к самостоятельным действиям объединений граждан в сфере защиты правопорядка может объясняться опасениями, что они для защиты от правонарушителей будут прибегать к более радикальным методам, чем те, которые считает допустимыми государство

Применяя описанные соображения при анализе правового регулирования российских народных дружин, можно предположить, что России ближе англосаксонский подход, поскольку дружинники не только информируют полицию, но и могут сами осуществлять определенные действия, в том числе связанные с применением физической силы (ст. 19 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ «Об участии граждан в охране общественного порядка» (в ред. от 31 декабря 2017 г. № 497-ФЗ, от 28 июня 2022 г., от 14 июля 2022 г., далее – Закон). По общему же правилу, права российских дружинников, как и участников *Neighbourhood Watch* в США и Великобритании, схожи с правами гражданина, находящегося в состоянии самообороны. Впрочем, следует учитывать сделанный на основании анализа судебной практики вывод о том, что «обороняющийся в США находится в более выигрышном положении, нежели в России» [Аникова 2022: 130].

Однако все же думается, это не означает, что подходы англосаксонского и российского нормотворцев идентичны, и разница здесь

¹ См. сайт организации по борьбе с преступностью: proNACHBAR. 2016 // URL: <https://www.freiwilligenweb.at/organisation/pronachbar/> (дата обращения: 19.08.2023).

² Circulaire IOJ1117146J du 30 avril 2019 du Ministère de l'Intérieur. 2019 // URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/download/pdf/circ?id=44631> (дата обращения: 04.07.2023).

заключается в предполагаемой **мотивации участников борьбы с преступностью**. Первый подход рассчитан на то, что данный интерес заключается в защите совместными усилиями своих домов от вторжения. Второй же, напротив, явно не рассматривает дружинников исключительно как граждан, защищающих свой интерес.

Так, предусмотрена возможность освобождения дружинников от работы, учебы на время дежурства (ч. 2 ст. 15 Закона). Подобные льготы государство предоставляет обычно тем, кто решает общезначимые задачи.

Важным представляется также то, что законодатель счел нужным оговорить наличие у народных дружинников права отказаться от исполнения возложенных на них обязанностей в случае, если имеются достаточные основания полагать, что их жизнь и здоровье могут подвергнуться опасности (ч. 2 ст. 17 Закона). Такая формулировка предполагает, что участие в работе народной дружины является не столько действием в своем интересе, сколько выполнением обязательств, причем исходя из того, что пределы их выполнения установлены императивным требованием закона, логично предположить, что это обязательства перед государством. Здесь мотивацией участников уже не может быть защита непосредственно своего дома и своих личных интересов – участие воспринимается, скорее, как долг перед обществом. Собственный же интерес гражданина реализуется более опосредованно: гражданин прилагает усилия для улучшения жизни в обществе, что выгодно всем членам этого общества, том числе ему самому.

Конечно, можно обсуждать, в какой мере подобные нормы являются пережитком советского законодательства, но в любом случае они включены в актуальное правовое регулирование. К тому же сам факт принятия федерального закона, регулирующего деятельность народных дружин, привел к тому, что их работа стала «включаться в показатели оценки работы как сотрудников полиции, так и администраций разного уровня» [Ходжаева 2019: 134], что обуславливает «централизованно-мобилизационный характер создания народных дружин» [Клейменов 2021: 138] (конечно, дружины создаются также по инициативе снизу при наличии устремлений «неравнодушных граждан и членов заинте-

ресованных групп в решении тех или иных проблем методами гражданского участия» [Ходжаева 2019: 129], как, например, народная дружина городского поселения Мурино¹).

Указанный подход воспринят и самими дружинниками: по данным социологических исследований, уровень готовности граждан участвовать в охране правопорядка зависит от степени их доверия полиции [Клейменов 2022: 206]; подобные соображения вряд ли принимались бы в расчет, если бы граждане воспринимали народную дружину как организацию, автономную от правоохранительных органов.

Таким образом, хотя законодатель не воспринял высказывавшуюся в доктрине позицию о статусе народных дружин как государственно-общественных объединений [Потапенкова 2010: 168], дружинники рассматриваются как помощники (о чем говорит, например, В. В. Фомин [Фомин 2006: 28]) и символические представители государства, статус которых «сравним со статусом сотрудника полиции» [Гинц 2013: 1]. Соответственно, предоставление им права на применение силы уже не означает ограничения государственной монополии.

Описанные схемы правового регулирования определяют не разные варианты решения одной проблемы; различие прослеживается уже на этапе ее постановки. Если участие граждан – способ реализации ими своих прав на самозащиту, это задает совсем иную систему координат, чем участие, рассматриваемое как помощь граждан государству в реализации его обязанностей по защите правопорядка. Такое различие тем более удивительно, что наличие у государства полномочий по охране правопорядка признают даже самые существенно ограничивающие круг этих полномочий теории.

Данное различие связано, думается, со степенью доверия к государству. Англосаксонский вариант правового регулирования отдает предпочтение личной заинтересованности в результате, не доверяя всецело защите государству. Российский законодатель, напротив, предполагает, что больших успехов можно достигнуть, полностью предоставив руководство процессом государству и действуя по его указке. Законодатели, отказывающиеся орга-

¹ Дружина Мурино Реагирует ГБР Канал // URL: <https://t.me/s/murino-react> (дата обращения: 19.08.2023).

низациям по борьбе с преступностью в праве применять силу, ищут компромисс между доверием государству и частным лицам (и, думается, находят его, но за счет снижения эффективности деятельности последних).

Тот факт, что наибольшая степень допустимого применения силы предоставлена не гражданам-представителям государства, а именно гражданам, защищающим свой дом, может быть объяснена идеей о возможности изменения в конкретной ситуации условий социального контракта [Albert 2009: 2], в котором видят истоки современной нормы о государственной монополии на легитимное использование физической силы [Krahmann 2009: 34]. С этой точки зрения жители, объединяющиеся с оружием в руках для защиты своего дома, ограничивают суверенитет государства [Crawford 2001: 458], чтобы частично вернуть себе свои исходные права, ранее переданные ими государству. Однако и в иных концепциях государства полный запрет на применение силы обычными гражданами выглядел бы обоснованным только при условии стопроцентной гарантированной защиты государством от правонарушений, что в принципе невозможно. Если же государство не может повсеместно обеспечить исполнение правил, признанных им самим обязательными, то граждане вправе помочь ему. Их помощь в данном случае не будет умалять власти государства, так как она преследует те же

цели, что и государство, и осуществляется по предписанным им правилам.

Вывод. Рассматривая виды организаций по борьбе с преступностью, существующие в континентальной Европе, Великобритании США и России, исходя из отношения к негосударственному насилию можно выделить два подхода:

1) государственная монополия на применение силы ограничивается в пользу граждан, самоорганизующихся для защиты от преступлений (США, Великобритания (*Neighbourhood Watch*);

2) граждане участвуют в предотвращении преступлений, но государственная монополия на применение силы не ограничивается, поскольку граждане лишены права применять его (Франция (*Les citoyens référents*), Бельгия (*Le Partenariat Local de Prévention*), Австрия (*proNACHBAR*) либо рассматриваются как помощники государства (РФ (народная дружина).

Думается, что разница между описанными вариантами правового регулирования характеризует не только участие граждан в предупреждении преступлений, но и в целом позицию гражданина по отношению к государству. Представляется, что участие граждан в предупреждении преступлений в любом варианте отвечает идее участия граждан в осуществлении публичной власти, но само участие здесь понимается неодинаково.

Список литературы

- Albert R. Counterconstitutionalism // *Dalhousie Law Journal*. 2009. Vol. 31. № 183. P. 1–55.
- Arief B., Coventry L., Greathead D. Towards the Implementation of an Internet-Based Neighbourhood Watch Scheme // 3rd International Conference on Computational Aspects of Social Networks. Salamanca, 2011. P. 19–22.
- Armstrong M., Carlson J. Speaking of Trauma: the Race Talk, the Gun Violence Talk, and the Racialization of Gun Trauma. 2019 // URL: <https://repository.arizona.edu/bitstream/handle/10150/640995/s41599-019-0320-z.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 19.08.2023).
- Cornuot F.-X. L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde: these en droit: thèse de doctorat en droit public. Strasbourg: Université de Strasbourg, 2015. 813 p.
- Crawford A. Les politiques de sécurité locale et de prévention de la délinquance en Angleterre et au Pays de Galles: nouvelles stratégies et nouveaux développements // *Déviance et Société*. 2001. Vol. 25. № 4. P. 427–458.
- Gardenier M. Sauvons Calais, un groupe anti-migrants. Une perspective: «rétablir l'ordre» // *Revue européenne des migrations internationales*. 2018. Vol. 34. № 1. P. 235–256.
- Graham L. D. Protecting the Home: Castle Doctrine in North Carolina // *Campbell Law Review*. 2021. Vol. 43. № 1. P. 137–154.
- Hartley K. Conflict and Defence Output: An Economic Perspective // *Revue d'économie politique*. 2012. Vol. 122. № 2. P. 171–195.

Krahmann E. Private Security Companies and the State Monopoly on Violence: A Case of Norm Change? Frankfurt: Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2009. 34 p.

Levin B. A Defensible Defense? Reexamining Castle Doctrine Statutes // Harvard Journal on Legislation. 2010. Vol. 47. № 523. P. 523–553.

Suk J. C. The True Woman: Scenes from the Law of Self-Defense // Harvard Journal of Law & Gender. 2008. Vol. 31. № 237. P. 237–275.

Аникова Р. И. Пределы необходимой обороны: опыт Российской Федерации и США // Трибуна ученого. 2022. № 2. С. 128–134.

Волков В. В. Монополия на насилие и скрытая фрагментация российского государства исследовательская гипотеза // Полис. Политические исследования. 1998. № 5. С. 39–47.

Гинц Е. М. К вопросу о гражданско-правовой ответственности участников добровольных народных дружин // Правовая идея. 2013. № 1. С. 1.

Клейменов Е. А. Состояние и проблемы взаимодействия полиции и народных дружин в социологическом измерении // Власть и управление на Востоке России. 2021. № 2. С. 129–143.

Клейменов Е. А. Социальный потенциал участия граждан в деятельности народных дружин: региональный аспект // Власть и управление на Востоке России. 2022. № 2. С. 194–209.

Потапенкова И. В. Административно-правовое регулирование участия народных дружин в охране общественного порядка: реалии и тенденции // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 6. С. 164–168.

Фомин В. В. Возрождение народных дружин – потребность сегодняшнего времени // Уголовно-исполнительное право. 2006. № 2. С. 27–29.

Ходжаева Е. Возрождение ДНД (добровольных народных дружин) в России: пример навязанной сверху мобилизации // Laboratorium: журнал социальных исследований. 2019. № 3. С. 105–141.

Шаяхметов Т. Р. Некоторые аспекты развития и применения института необходимой обороны в Соединенных Штатах Америки // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 1. С. 46–52.

Шулус А. А. Конституционно-правовая сущность и содержание права на оружие в Соединенных Штатах Америки // Вопросы российского и международного права. 2017. Т. 7. № 5А. С. 86–98.

Мария Александровна Кокотова – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева. 620137, Российская Федерация, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21. E-mail: km231089@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-9379-5038

The Limits of Legally Permitted Violence for Members of the Organizations Devoted to Crime Prevention in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA

The article examines the acts establishing the legal status of crime prevention organizations and regulating the institution of self-defense in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA. Firstly, the author determines in which countries the use of violence is permitted for citizens, who participate in prevention of crime, and how its limits are established. Secondly, the limits of permitted violence that members of crime prevention organizations and any other citizens (the institution of self-defense) can resort to are compared. Thirdly, an attempt is made to identify the relationship between the extent of legal violence and the aims of those who use it.

Based on the analysis, two approaches to legal regulation have been identified, which are as follows:

1) the existence of citizens organizations united to protect their homes limits the state monopoly on violence (Great Britain, USA (Neighbourhood Watch));

2) the existence of crime prevention organizations does not limit the state monopoly on violence, since their members cannot use it (France, Belgium) and can only call the police (France (*Les citoyens référents*), Belgium (*Le Partenariat Local de Prévention*)), or they are considered as assistants and, therefore, in a sense, as representatives of the state (for example, the People's Druzhina in Russia).

Keywords: legally permitted violence, organizations devoted to crime prevention, Neighbourhood Watch, *Les Citoyens référents*, *Le Partenariat Local de Prévention*, People's Druzhina

Recommended citation

Kokotova M. A. Predely prava na nasilie uchastnikov organizatsii po bor'be s prestupnost'yu v Rossii, Frantsii, Bel'gii, Avstrii, Velikobritanii i SShA [The Limits of Legally Permitted Violence for Members of the Organizations Devoted to Crime Prevention in Russia, France, Belgium, Austria, Great Britain and USA], *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, 2023, no. 4, pp. 76–84, DOI: 10.34076/2410_2709_2023_4_76.

References

- Albert R. Counterconstitutionalism, *Dalhousie Law Journal*, 2009, vol. 31, no. 183, pp. 1–55.
- Anikova R. I. Predely neobkhodimoi oborony: opyt Rossiiskoi Federatsii i SShA [Limits of Necessary Defence: Experience of Russian Federation and USA], *Tribuna uchenogo*, 2022, no. 2, pp. 128–134.
- Arief B., Coventry L., Greathead D. *Towards the Implementation of an Internet-Based Neighbourhood Watch Scheme*, 3rd International Conference on Computational Aspects of Social Networks, Salamanca, 2011, pp. 19–22.
- Armstrong M., Carlson J. *Speaking of Trauma: the Race Talk, the Gun Violence Talk, and the Racialization of Gun Trauma*, 2019, available at: <https://repository.arizona.edu/bitstream/handle/10150/640995/s41599-019-0320-z.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (accessed: 19.08.2023).
- Cornuot F.-X. *L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde: these en droit: thèse de doctorat en droit public*, Strasbourg, Université de Strasbourg, 2015, 813 P.
- Crawford A. Les politiques de sécurité locale et de prévention de la délinquance en Angleterre et au Pays de Galles: nouvelles stratégies et nouveaux développements, *Déviance et Société*, 2001, vol. 25, no. 4, pp. 427–458.
- Fomin V. V. Vozrozhdenie narodnykh druzhin – potrebnost' segodnyashnego vremeni [Revival of Public Security Brigades – Necessity of Modern Time], *Ugolovno-issledovatel'skoe pravo*, 2006, no. 2, pp. 27–29.
- Gardenier M. Sauvons Calais, un groupe anti-migrants. Une perspective: «rétablir l'ordre», *Revue européenne des migrations internationales*, 2018, vol. 34, no. 1, pp. 235–256.
- Gints E. M. K voprosu o grazhdansko-pravovoi otvetstvennosti uchastnikov dobrovol'nykh narodnykh druzhin [To the Issue of Civil Responsibility of the Members of Voluntary People's Squads], *Pravovaya ideya*, 2013, no. 1, p. 1.
- Graham L. D. Protecting the Home: Castle Doctrine in North Carolina, *Campbell Law Review*, 2021, vol. 43, no. 1, pp. 137–154.
- Hartley K. Conflict and Defence Output: An Economic Perspective, *Revue d'économie politique*, 2012, vol. 122, no. 2, pp. 171–195.
- Khodzhaeva E. Vozrozhdenie DND (dobrovol'nykh narodnykh druzhin) v Rossii: primer navyazannoi sverkh mobilizatsii [Revival of the PVS (People's Volunteer Squads) in Russia: a Case of Top-Down Social Mobilization], *Laboratorium: zhurnal sotsial'nykh issledovaniy*, 2019, no. 3, pp. 105–141.
- Kleimenov E. A. Sostoyanie i problemy vzaimodeistviya politsii i narodnykh druzhin v sotsiologicheskom izmerenii [Certain Aspects of Interaction between the Police and the People's Squads], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2021, no. 2, pp. 129–143.

Kleimenov E. A. Sotsial'nyi potentsial uchastiya grazhdan v deyatel'nosti narodnykh družhin: regional'nyi aspekt [Social Potential of Citizens' Participation in the Activities of People's Teams: Regional Aspect], *Vlast' i upravlenie na Vostoke Rossii*, 2022, no. 2, pp. 194–209.

Krahmann E. *Private Security Companies and the State Monopoly on Violence: A Case of Norm Change?* Frankfurt, Peace Research Institute Frankfurt (PRIF), 2009, 34 p.

Levin B. A Defensible Defense? Reexamining Castle Doctrine Statutes, *Harvard Journal on Legislation*, 2010, vol. 47, no. 523, pp. 523–553.

Potapenkova I. V. Administrativno-pravovoe regulirovanie uchastiya narodnykh družhin v okhrane obshchestvennogo poriadka: realii i tendentsii [Administrative and Legal Regulation of the Participation of National Squads in the Protection of Public Order: Realities and Trends], *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, 2010, no. 6, pp. 164–168.

Shayakhmetov T. R. Nekotorye aspekty razvitiya i primeneniya instituta neobkhodimoi oborony v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Some Aspects of the Development and Application of the Legal Institution of Self-Defense in the USA], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya*, 2016, no. 1, pp. 46–52.

Shulus A. A. Konstitutsionno-pravovaya sushchnost' i sodержание prava na oruzhie v Soedinennykh Shtatakh Ameriki [Constitutional and Legal Essence and Content of the Right to Arms in the United States of America], *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava*, 2017, vol. 7, no. 5A, pp. 86–98.

Suk J. C. The True Woman: Scenes from the Law of Self-Defense, *Harvard Journal of Law & Gender*, 2008, vol. 31, no. 237, pp. 237–275.

Volkov V. V. Monopoliya na nasilie i skrytaya fragmentatsiya rossiiskogo gosudarstva: issledovatel'skaya gipoteza [Monopoly on Violence and the Hidden Fragmentation of the Russian State: Research Hypothesis], *Polis, Politicheskie issledovaniya*, 1998, no. 5, pp. 39–47.

Maria Kokotova – candidate of juridical sciences, associate professor of the Department of constitutional law, Ural State Law University named after V. F. Yakovlev. 620137, Russian Federation, Ekaterinburg, Komsomol'skaya str., 21. E-mail: km231089@yandex.ru.

ORCID: 0000-0002-9379-5038

Дата поступления в редакцию / Received: 05.08.2023

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 25.09.2023